

средств прагматического воздействия на массовую аудиторию. Следует также отметить, что значительное число публикаций посвящено осмыслению опыта тоталитарного прошлого, а также сопоставлению российского и украинского политического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрейченко О.И. Лексико-фразеологическая основа текстов политических дискуссий (на материале украинской прессы конца XX – начала XXI столетия). – Автореф. дисс... канд. филол. наук по спец. 10.02.01 – украинский язык. / Институт укр. языка НАН Украины. – Киев, 2006. – 23 с. – укр.

Бантышева Л.Л. Структурно-системный анализ общественно-политической лексики русского языка конца XIX – начала XX вв. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Симферополь, 2007.

Бацевич Ф.С. Нариси з комунікативної лінгвістики: Монографія. – Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. – 281 с.

Башук А.И. Коммуникативно-стратегический анализ политического текста // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология». – Т.19 (58). – 2006. №2.

Бессонова Л.Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса // Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. Т.16 (55). - №1: Филологические науки. – Симферополь, 2004. – С.22-27.

Бессонова Л.Е. Новые тенденции в исследовании концепта // Лексико-граматичні інновації в сучасних слов'янських мовах. – Дніпропетровськ: Пороги, 2005. – С.30-33.

Бойко А.А. Політика і релігія у дзеркалі преси. [<http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1348>].

Демецкая В.В. Динамика функционирования концепта «политика» в политической речи: интралингвистическая адаптация // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология». – Т.19(58).- 2006. №2.

Компанцева Л.Ф. Дискурс-анализ украинского политического Интернета (гендерный аспект) // http://www.russcomm.ru/rca_biblio/k/kompantseva.shtml // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб.: - Изд-во СПб, 2004. - С. 112-134.

Крючкова П.Г. Авторитарный дискурс (на материале современного английского языка): Автореф. дисс.... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Киевский нац. ун-т им. Тараса Шевченко. – Киев, 2003. – 21 с. – укр.

Литовченко А. Господствующий дискурс и основные политические мифы современной Украины // <http://serpkharkov2001.narod.ru/litovchenko.htm>.

Мова тоталітарного суспільства/ Отв.ред. Г.М.Яворская. – Киев, 1995. – 126 с.

Семенюк О.А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. – Кировоград: РИЦ КГПУ им.В.К.Винниченко, 2001. - 368 с.

Серажим К.С.. Сучасний український політичний дискурс: формування нового стилістичного канону (дисертаційне дослідження) <http://journalib.univ.kiev.ua/>

Серажим К.С. Дискурс как социолінгвальний феномен сучасного комунікативного простору (методологічний, прагматично-семантичний і жанрово-лінгвістичний аспекти: на матеріалі політичної різноманітності українського масовоінформаційного дискурсу). Автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.08 / Киев. нац. ун-т им. Т.Шевченко. Ін-т журналістики. - Киев, 2003. - 32 с. - укр.

Солодовникова Н.В. Мифологический образ воды в современной политической метафоре (на материале украинских СМИ)//Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. Т.19 (58). - №1: Филологические науки. – Симферополь, 2006. – С.195-202.

Ставицкая Л.А. Дискурс помаранчевої пристрасти //

www.textology.ru/public.html

Яворская Г.М. Прескриптивна лінгвістика як дискурс: мова, культура, влада / Нац. акад. наук України. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. – Киев, 2000. – 288 с.

© Бессонова Л.Е., 2007

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЛОГИИ

Abstract

The paper reviews a methodological variety of approaches to political metaphor analysis within a new branch of contemporary linguistics – political metaphorology. As political metaphor is a complex phenomenon the new branch takes shape at the intersection of several lines of investigation, namely 1) cognitive linguistics, 2) discourse-analysis, 3) cultural linguistics, 4) psychology and neuroscience, 5) social sciences.

В последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая метафорология, сформировавшаяся на пересечении политической лингвистики и метафорологии.

Становление первой области исследований – политической лингвистики – связано с планомерным изучением политической коммуникации, которое началось еще в середине прошлого века и опиралось на пионерские исследования Гарольда Лассвелла, Пола Лазарсфельда, Уолтера Липпманна, Виктора Клемперера, Джорджа Оруэлла и других видных специалистов. В конце прошлого столетия в лингвистике формируется обособленное направление, в центре внимания которого находится теория и практика анализа политического дискурса. Для обозначения этого направления исследований в мировой науке закрепилось наименование «политическая лингвистика» [Belgian 1997; Burkhardt 1996; Klein 1998; Sarcinelli 1989; Баранов 2001; Паршин 2001; Мухарьямов, Мухарьямова 2002; Романов 2002 и др.], хотя иногда встречаются и смежные обозначения, акцентирующие те или иные аспекты политического семозиса (напр., «политологическая филология», «политологическое литературоведение», «политологическая лингвистика» [Демьянков 2002], «политическая семантика» [Politische 1989], «политическая дискурсология» [Русакова, Максимов 2006]).

Вторая область исследований, по сути, имеет более чем двухтысячелетнюю историю: известно, что многие современные исследования по-прежнему базируются на определении, идущем еще от Аристотеля, который утверждал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Однако, несмотря на значительный объем накопленных знаний о метафоре, интерес к ней в настоящее время не только не ослабевает, а наоборот, усиливается в связи с переходом изучения метафоры на качественно новый уровень. В последние десятилетия сформировалась самостоятельная научная область – метафорология [Лагута 2003], объектом исследования

которой является метафорика, включающая в себя как результаты метафорогенной деятельности человека, так и все механизмы этой деятельности (нейрологический, синестетический, когнитивный, коммуникативный). Метафорология объединяет усилия философов, логиков, специалистов в области информатики, социологов, психологов, лингвистов, литературоведов и представителей иных наук для более адекватного и всестороннего анализа феномена метафоры.

Сближение этих двух направлений обусловлено как бурным развитием исследований, посвященных политической коммуникации, так и переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием ее роли в организации ментальных процессов и языковой картины социальных отношений. Возникновение политической метафорологии – одно из проявлений общей тенденции в эволюции современной лингвистики, проявляющейся в утверждении принципов методологического плюрализма, антропоцентризма и междисциплинарности.

Функционирование метафоры в политическом дискурсе довольно сложный феномен, поэтому неудивительно, что политическая метафора как объект политической метафорологии рассматривается с разных методологических позиций и в разных дисциплинах.

1. Политическая метафора и когнитивная лингвистика. Когнитивная лингвистика – направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм и когниция в ее языковом отражении. Когнитивная лингвистика возникла в США (М. Джонсон, Р. Джэкендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, М. Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, У. Чейф и др.) и получила значительное распространение, дальнейшее развитие и свою интерпретацию в российской науке (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, В.В. Петров, Е.В. Рахилина, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.).

В основе когнитивной теории метафоры лежит идея о том, что метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафоры в языке – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

Исследования концептуальной метафоры в

сфере политической коммуникации получили особое распространение. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены основателями теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1980]. Помимо общей характеристики теории, американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишняя эмоциональная оценка метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это объясняет особенно повышенный интерес современных исследователей к когнитивному анализу политической метафоры по всему миру (см. [Будаев, Чудинов 2006а]).

На современном этапе исследователей когнитивной политической метафоры интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры». Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

По степени детализации анализируемого концептуального содержания можно выделить несколько подходов к когнитивному анализу политической метафоры. На первом уровне анализа выделяется группа исследований, авторы которых детально изучают метафоры, связанные с конкретными концептами сферы-источника. Примерами могут служить исследования метафор «Политика – это мост» [Benoit 2001], «Политика – это труд» [Berhó 2000], «Чехословакия – это двойной дом» [Drulak 2005].

При более широком охвате ученые анализируют одну конкретную сферу-источник метафорической экспансии и детально ее описывают. Опыт показывает, что сосредоточение внимания исследователя на одной модели позволит охарактеризовать эту модель максимально полно, изучить ее «под лингвистическим микро-

скопом» и благодаря этому обнаружить закономерности, ускользающие при обозрении всей широкой картины. Так, И.В. Телешева [2004] детально рассмотрела российские и американские метафоры со сферой-источником «Болезнь». В диссертации Н.М. Чудаковой [2005] предметом исследования стали только метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в современном российском политическом дискурсе. В зарубежной лингвистике подобный характер имеют, в частности, недавние исследования М. Далмо [Dalmau 2005] и А. Мусолффа [Musolff 2006], проанализировавших метафоры родства в политических дискурсах нескольких европейских стран, и Л. Рязановой-Кларке [Ryazanova-Clarke 2004], рассмотревшей российскую криминальную метафорическую модель.

На следующем уровне предметом исследования становятся несколько сфер-источников, объединяемых по определенным критериям (концептуальный вектор, понятийная смежность семантических разрядов, прагматический потенциал и др.). Так, в исследовании Ряпосовой А.Б. [2002] детально анализируются метафорические поля со сферами-источниками «Война», «Криминал» и «Мир животных», которые в современном российском политическом дискурсе отличаются максимальной агрессивностью прагматического потенциала. В диссертации Н.Г. Шехтман [2006] рассматриваются метафорические модели со сферами-источниками «Спорт» и «Театр», которые относятся к числу зрелищных феноменов. В диссертации Вершининой Т.С. [2002] предметом изучения стала группа органистических метафор (зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора) в современном российском политическом дискурсе.

Основанием для объединения исходных понятийных областей может служить гендерный фактор [Gidengil, Everitt 1999, 2003], общность когнитивных структур базового уровня категоризации (термин Э. Рош) [Sandikcioglu 2003; Zinken 2002]. В монографии И. Насальски выделены египетские политические метафоры, акцентирующие смысл переходного состояния в развитии общества (беременность, болезнь, пробуждение, дорога и др.) [Nasalski 2004].

На самом общем уровне исследователь стремится по возможности полно охарактеризовать все наиболее важные сферы-источники метафорической экспансии. Лингвисты осуществляют мониторинг комплексов метафорических моделей за продолжительные периоды времени и создают лексикографические описания. В России ярким примером такого подхода стали словари А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1991; 1994]. В 1999-2002 гг. в Билефельдском университете был реализован российско-немецкий проект по сравнительному изучению русской и немецкой политической метафорики эпохи перестройки и «поворотного» периода (die Wende-Periode) в Германии [Baranov, Zinken 2003; Zinken 2004; Zibatow 1998].

В XXI в. по всему миру реализуются проекты, посвященные комплексному и многоаспектному анализу концептуальных метафор. Среди них монографии А. Мусолффа [Musolff 2000, 2004], А.П. Чудинова [2001, 2003], Дж. Вэй [Wei 2001], О. Санта Аны [Santa Ana 2002], Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004a, 2004b].

2. Политическая метафора и дискурс-анализ. Как показывают специальные обзоры, в лингвистике нет однозначного определения термина «дискурс». По справедливому замечанию Дж. Юла, «дискурс-анализ охватывает широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова «oh» и «well» используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре, представленных, напр., в образовательных или политических дискурсивных практиках» [Yule 2000: 83].

Наибольшее распространение получило определение дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [Караулов, Петров 1989: 8], как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 1990: 136–137]. Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

В лингвистике сложилось два основных направления анализа политического дискурса: критический и дескриптивный [Fairclough 1985]. Критический подход направлен на исследование социального неравенства, выраженного в дискурсе. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления «не может быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию» [van Dijk 1993: 253]. В современной лингвистике критический дискурс-анализ получил широкое распространение, особенно применительно к анализу метафорики антииммигрантского дискурса [Baker, McEnery 2005; El Refaie 2001; Hardy 2003; Johnson 2005; O'Brien 2003; Santa Ana 1999, 2002].

Несмотря на широкую популярность критического дискурс-анализа, некоторые исследователи подвергают эту методологию критике. Так, известный специалист в области политической коммуникации и политической метафоры П. Чилтон отмечает, что сторонники критического дискурс-анализа «пытаются бороться с несправедливостью различного рода, но едва ли возможно серьезное воздействие исследователей дискурса на продолжающийся геноцид, угнетение и эксплуатацию, свидетелями которого мы являемся» [Chilton 2004: x]. По мнению исследователя, большей научной значимостью для достижения постулируемых последователями

критического дискурс-анализа целей обладают разработки в области когнитивной науки, чем идеологические позиции субъекта исследования [Chilton 2005].

Со своей стороны представители критического дискурс-анализа указывают на «мистический» характер когнитивных изысканий. В частности Н. Фэрклоу и его последователи отказываются от использования когнитивной методологии, связывая свою позицию с тезисом о принципиальной невозможности проникнуть в «черный ящик» сознания [Chouliaraki, Fairclough 1999].

Это противостояние мнений в зарубежной лингвистике продолжает уже имеющий свою историю спор о том, что лежит в основе связи политического поведения и метафоры. Если сторонники критического дискурс-анализа настаивают на социальной первичности метафоры, ее укорененности в социальных практиках, то когнитивисты видят в метафоре ментальную первооснову.

На наш взгляд, в радикальной форме обе позиции представляются методологическими крайностями, не учитывающими диалектического характера факторов метафорогенеза. В российской науке метафизичность как гносеологический принцип преодолевается в когнитивно-дискурсивной парадигме, позволяющей рассматривать политическую метафору одновременно как ментальный и лингвосоциальный феномен. Соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка политической метафоры препятствует ее адекватному описанию. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «в реальной жизни когниция и коммуникация тесно между собой связаны, и провести между ними строгие границы можно лишь достаточно условно, в когнитивно-дискурсивной парадигме возникает задача реалистического отражения функционирования языка и отдельных его категорий, единиц или конструкций, и усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004: 520].

Вместе с тем среди зарубежных специалистов синтез когнитивных и дискурсивных эвристик применительно к дискурс-анализу политических метафор находит все больше сторонников [Hülse 2003; Musolff 2004; Zinken 2002]. В частности, известный специалист в области критического дискурс-анализа Р. Водак в одной из последних работ пишет о том, что «когнитивный и социокогнитивный подходы должны стать частью исследований дискурсивных практик, поскольку задачей любого направления в критическом дискурс-анализе является анализ / понимание и объяснение социальных проблем междисциплинарного характера» [Водак 2006: 108].

Отметим, что критическая составляющая вполне имеет право на существование и в рамках когнитивно-дискурсивного анализа. Специальных исследований по воздействию исследо-

ваний метафоры критического толка на политические процессы не проводилось, однако едва ли можно полностью отрицать влияние научной деятельности официального советника Демократической партии Дж. Лакоффа на недавнюю победу демократов в США (помимо прочего имеются в виду три его последние книги [2004; 2006а; 2006б], которые использовались политиками-демократами в качестве пособий по коммуникации и получили самый широкий резонанс далеко за пределами научных кругов).

При дескриптивном подходе к дискурс-анализу политической метафоры превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования.

В политической метафорологии дескриптивный дискурс-анализ представлен многими направлениями. Среди них дискурсивная теория демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. В рамках этой теории метафоре отводится роль каузального фактора общественно-политических изменений [Андерсон 2006; Anderson 2001].

Синтез эвристик исследования метафоры и методов дискурсивного анализа социальных структур по А. Вендту осуществил П. Друлак [Drulak 2006]. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры являются отражением структур социальных. Исследователь проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза. Выделив метафоры самого абстрактного уровня, П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

Важное место в политической метафорологии занимает комбинаторная теория кризисной коммуникации (CCC-theory) Х. де Ландтсхеер и ее единомышленников. Некогда Х. де Ландтсхеер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что существует зависимость между частотностью метафор и общественными кризисами [De Landtsheer 1992]. В очередном исследовании Х. де Ландтсхеер и Д. Фертессен [Vertessen, De Landtsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмен-

та преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе.

Еще одно направление представлено исследованиями в русле постмодернистской теории дискурса. Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а анализ политического дискурса считается наиболее подходящим способом выявления этой онтологической метафоричности. Все «пустые означающие» (empty signifiers) политического дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени [Laclau 1996]. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью» (метафорическим может считаться, напр., лозунг «We can do it ourselves» – «Мы можем сами собой управлять»), а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих» [Hansen 2005].

По мнению В. Моттьер [Mottier 2005], адекватный анализ проблемы взаимодействия метафоры и властных отношений необходимо основывать на синтезе герменевтического подхода с эвристиками дискурсивного анализа М. Фуко, что позволит преодолеть крайности слишком широкого деконструктивизма и слишком узкого когнитивизма.

На современном этапе идущая от Ф. де Соссюра структуралистская традиция анализа языковой системы сменяется активным внедрением в лингвистические исследования теории дискурс-анализа, вовлечением в методологический аппарат политической метафорологии широкий экстралингвистический контекст. В современной лингвистике структуралистский подход к метафоре сохраняет свою значимость (см. [Москвин 2006]), однако его эвристики ограничиваются системно-языковыми вопросами и мало подходят для анализа дискурса, для изучения того, как люди на самом деле говорят и пишут, а именно данный аспект приобретает в современном обществе все большую актуальность. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, «дискурсивная деятельность носит отчетливо выраженный специализированный характер, т.е. не может быть описанной вне указания на «среду» ее функционирования» [Кубрякова 2004: 526].

Вместе с тем важно отметить, что современная политическая метафорология не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Более того, феномен функционирования метафоры в политической коммуникации активно изучался с середины прошлого века, а идеи, положенные в основу современных подходов к дискурс-анализу, в той или иной степени разрабатывались в работах по политической метафоре в русле исследований по риторике и прагматике (см. [Будаев, Чудинов 2006]).

3. Политическая метафора и лингвокультурология. Лингвокультурология – направление современной лингвистики, возникшее на стыке языкознания и культурологии. Лингвокультурологический подход помогает решать одну из ак-

туальных проблем политической метафорологии, заключающуюся в выявлении закономерностей метафорического моделирования картины мира в политических дискурсах различных государств. С одной стороны, многочисленные исследования фиксируют общие кросскультурные черты политической метафорологии. «Современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных... языков – вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам.... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» [Шмелева 2001: 5].

С другой стороны, следует согласиться с тем, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон 1990: 404]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и отечественные специалисты (Апресян Ю. Д., Баранов А. Н., Верещагин Е. М., Гак В. Г., Караулов Ю. Н., Костомаров В. Г., Кубрякова Е. С., Успенский Б. А. и др.).

Ряд примеров лингвокультурологической специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса «Язык ислама» [Lewis 1988]. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стремях. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле». Если мы обратимся к метафорам стран Запады и России, то обнаружим, что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или собирательный образ древнерусского князя Владимира Красное Солнышко.

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или сверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе и на Востоке власть имущие

поступали примерно одинаково.

Достаточно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских государств [Будаев 2006]. Межкультурное сопоставление политической метафоры Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что картина политической действительности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ.

Причины культурного своеобразия национальных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы связаны с геоклиматическими условиями того ареала, на котором формируется культура, с традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе не представляет собой раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности. Изменения в инвентаре политических метафор определенной культуры связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Примеры лингвокультурологической специфики политической метафоры приводит Дж. Вэй, рассматривая традиционную китайскую цветовую символику и ее взаимодействие с новообразованиями в метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом большое значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием nepotизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, напр., «носит красную шляпу», косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции [Wei 2001: 75-77].

Межкультурное своеобразие в концептуальных картинах мира может быть связано с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна Интернет-публикация Дж. Лакоффа, в которой рассмотрен контраст между метафорическим осмыслением кризиса в Персидском заливе в США и арабских странах [Lakoff 1991].

Межкультурные различия в актуализации политических метафор прослеживаются не только при анализе традиционной специфики национальной картины мира, но и при исследовании частотности или продуктивности метафорических моделей, характерных для всех сопоставляемых дискурсов. Напр., израильские исследователи А. Абади и Я. Сакердоти [Abadi, Sacerdoti 2001], сравнив метафоры израильского и американского политических дискурсов, обнаружили, что метафорическая модель со сферой-источником «Война» более продуктивна и

частотна в израильском дискурсе, в то время как спортивные метафоры более распространены в дискурсе США. Авторы объясняют полученные результаты тем, что жизнь рядовых израильтян в большей степени связана с армией, чем жизнь американцев. Постоянные арабо-израильские конфронтации находят выражение во всепроникающей милитаризации израильского общества. Наоборот, в Израиле отсутствует характерный для США «культ спорта». В частности, количество популярных в США видов спорта значительно превосходит аналогичные показатели в Израиле.

Лингвокультурологический ракурс рассмотрения политической метафоры позволяет показать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и др.), а в третьих – имеет общечеловеческий характер. Продолжение лингвокультурологического исследования метафоры, задействованной в политическом дискурсе, позволит лучше разграничить закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, и специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

4. Политическая метафора, психология и нейронаука. Осознание того факта, что метафора первично ментальный, а не языковой феномен, все чаще инициирует обращение ученых к психолингвистическим и психоаналитическим методикам при анализе политической коммуникации. Такие исследования часто направлены на изучение политической метафоры не как средства убеждения, а как отражения сознательных или бессознательных представлений коммуникантов о политической реальности.

Среди исследований политической метафоры, находящихся основания в теориях глубинной психологии, выделяется монография С. Кина [Keen 1988]. Опираясь на методологию юнгианской школы психоанализа, автор обратился к анализу архетипа тени в политической агитации и пропаганде. С. Кин показывает, что на агитационных плакатах и в политических карикатурах XX в. противоборствующие стороны во всех крупных военных конфликтах изображали друг друга с помощью дегуманизирующих метафор, среди которых наиболее распространены образы насильника, зверя, рептилии, насекомого, микроба, смерти, безликой орды и врага Бога.

С позиций психоанализа М. Аугустинос и С. Пенни [Augoustinos, Penny 2001] рассмотрели вопрос о том, как австралийские политики представляют проблему примирения между аборигенным и неаборигенным населением Австралии. Проанализировав 12 выступлений политиков (6 аборигенов и 6 неаборигенов), удалось показать, что в основе осмысления проблемы лежит архетипический метафорический образ совместного путешествия.

Свои собственные эвристики в рамках этой методологической группы предлагает психолингвистика. Психолингвистические методы исследования метафоры позволяют получать данные об особенностях метафорического конструирования мира политики рядовыми гражданами, что недоступно при традиционном анализе политдискурса, материалом для которого обычно становятся тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами. Методы психолингвистики особенно важны при решении вопроса об эффективности использования метафор. Анализ политического или медийного дискурса позволяет только гипотетически говорить о воздействующей силе метафоры, а для получения достоверных данных необходимо обратиться непосредственно к сознанию адресата коммуникации.

В качестве примера можно привести исследование Я. Босмана и Л. Хагендорна [Bosman, Hagendoorn 1991]. В первой части поставленного ими эксперимента изучалась эффективность метафорических и буквальных политических сообщений. Испытуемые читали неметафорическое и метафорическое описание политики шовинистической партии, а потом письменно заполняли опросные листы, в которых отвечали на вопросы о возможных путях противодействия подобной политике. Обработав результаты, Я. Босман и Л. Хагендорн пришли к выводу, что, хотя метафоры и оказывают влияние на идеи испытуемых, буквальное выражения не менее эффективны.

Помимо анкетирования ученые активно используют метод интервью. Преимущество этого метода связано с тем, что исследователь получает материал для анализа в ходе естественного общения с коммуникантом, а не из заранее подготовленных текстов. Подобная методика применяется в работах Д. Херадштейта, Г. Бонхэма, Т. Оберлехнера, В. Майер-Шенбергера [Heradstveit, Bonham 2005; Oberlechner, Mayer-Schönberger 2002].

В ряде исследований политическая метафорология обогащается эвристиками нейролингвистических теорий. Ярким примером может служить нейрокогнитивная теория метафоры, образовавшаяся на стыке нейронной теории языка, теории первичных и сложных метафор и теории концептуальной метафоры. Нейронная теория языка направлена на выявление нейробиологических детерминант когниции и с общенаучных позиций ее становление – вполне закономерный этап в развитии метафорологии как комплексного междисциплинарного направления в изучении человеческого мышления. Необходимость такого развития теории Дж. Лакофф и М. Джонсон связывают с тем, что «когнитивные эффекты на верхнем уровне когниции возможны благодаря нейробиологии на ее нижнем уровне» [Lakoff, Johnson 1999: 570]. Если в когнитивной лингвистике исследователи обычно ограничивались анализом корреляций языковых и когнитивных явлений, то в нейронной теории

языка ощущается значительный естественнонаучный уклон. При таком подходе в качестве недостающего звена между когнитивной метафорой и метафорическим выражением рассматривается уровень моделируемых коннекционистских сетей, соотносимых с нейронной архитектурой человеческого мозга.

Нейрокогнитивный подход к изучению метафоры начинает активно развиваться в конце 1990-х гг., когда ряд лингвистов Калифорнийского университета и ученых из института компьютерной науки в Беркли объединяют свои усилия. Важным результатом интеграции этих усилий стало понимание того, что язык, когнитивные процессы и сенсомоторная деятельность связаны с активизацией одних и тех же участков нейронной сети. Напр., при восприятии метафор движения в мозге человека осуществляется ментальная симуляция физического действия, результаты которой проецируются обратно на сферу–мишень, привнося инференции, вытекающие из ментальной симуляции моторной деятельности [Lakoff, Johnson 1999: 583].

Практическим применением этой теории стали разработки компьютерных программ, моделирующих семантические сети коннекционистского типа. Одну из таких программ С. Нараянан применил к анализу концептуальных метафор движения, задействованных при осмыслении политики и экономики в американской прессе [Narayanan 1999].

Исследования политической метафоры с использованием психолингвистических и нейропсихологических методов позволяют посмотреть на феномен политической метафоры с новых позиций и скорректировать предположения, принимаемые при других методологических подходах без верификации.

5. Политическая метафора и общественные науки. Метафора на протяжении долгого времени оставалась предметом исследования филологов и философов, но в последнее время этот феномен все чаще вызывает интерес у представителей широкого круга общественных дисциплин: историков, социологов, политологов. В исследованиях подобного рода метафора не является первоочередным предметом исследования, вместе с тем в общественных науках анализ метафор становится распространенным методом познания социально-политической действительности. Исследователи фиксируют организующую роль метафор в постижении социально-политической реальности, метафорическую природу политической картины мира.

В частности, исследование политической метафоры – распространенное явление в политологических публикациях [Бляхер, Говорухин 2006; Потапчук 2006; Межуев 2006; Canêdo 1997; Rayner 1984; Smith 2002; Terchek 1999]. Примечательно, что политологи, часто не ставят перед собой задачу исследовать метафоры, но в результате научных изысканий обращаются к метафоре. Напр., занимаясь политологической проблемой, которая, на первый взгляд, непосредственно не свя-

зана с метафорой («Идеология в структуре политического процесса»), С.В. Куньшиков делает вывод о том, что «идеология «работает» в политическом процессе не непосредственно, а через систему идеологических метафор, эффективность которых заключается в способности адекватно выражать ценностно-значимые для социальных групп смыслы политической деятельности» [Куньшиков 2006: 10].

В диссертации Б.Н. Халитова [2006] предпринимается опыт анализа «языковой войны» не только как публицистической метафоры, описывающей столкновение интересов каталонской и кастильской языковых групп в начале 1990-х гг., но и в качестве теоретико-политического концепта, когнитивного инструмента. Функция метафорического концепта проявляется в описании политического феномена и объяснении его причин.

Примером социологического исследования метафоры может служить докторская диссертация Л.А. Паутовой [2007], в которой с помощью целого ряда методик выявляется спектр метафор, актуализируемых в современной российской общественности при осмыслении концепта «стабильность».

Отметим, что во многих исследованиях политолого-социологического цикла получение научного знания основывается не столько на корпусном анализе собственно лингвистических явлений, сколько на аналитических размышлениях исследователя и опорой на наблюдения философов и социологов в области взаимодействия общественных процессов и политического мышления. В качестве примера может привести работу Я. Эзрахи [Ezrahi 1995], который, начиная от трудов Ж.Ж. Руссо, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Р. Дарендорфа и заканчивая современным социолого-политологическим дискурсом, прослеживает эволюцию метафоры механизма и театра как способов осмысления общества и политики. По мнению исследователя, эти две метафоры претерпевают своеобразное сращение, при котором детерминистическая механистическая метафора вуализируется театральной метафорой, что только эксплицитно затемняет дегуманизацию современного общества, но имплицитно свидетельствует о представлениях его представителей о предопределенности и механистичности современной политики и общественных отношений.

Метафора все чаще попадает в фокус исторических исследований, особенно в рамках такого направления как «история ментальности». Примером такого исследования может служить докторская диссертация Т.А. Сабуровой [2006], посвященная изучению исторического сознания русской интеллигенции XIX в. Автор анализирует произведения русской общественно-исторической мысли, материалы периодических изданий, художественную литературу, а также мемуары, дневники и переписку русской интеллигенции XIX в. Как отмечает исследователь, в среде интеллигенции невозможность свободной

мыслительной деятельности часто характеризуется метафорой "сон" (сон души, сон ума). Одновременно с этим в картине мира русской интеллигенции важное место занимает образ пути, путешествия, путешественника. Значит, осознание необходимости непрерывного движения становится ценностью, а отсутствие такого движения соответственно связывается с отсталостью. Таким образом, интеллигенция выступает носителем идеи модернизации.

Если переводить эти идеи на «лингвистический диалект политической метафорологии», то выводы исследования можно сформулировать следующим образом. Политическое мировоззрение русской интеллигенции XIX в. было связано с особенностями метафорической концептуализации действительности. Концептуальные метафоры «РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО СОН», «ПРОСВЕЩЕНИЕ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ», «ДВИЖЕНИЕ – ЭТО ХОРОШО» задавали способ осмысления настоящего и будущего российского государства, направляли интеллектуально-политическое поведение этого слоя общества.

Разность метаязыка описания политической метафоры в когнитивной лингвистике, истории, политологии и других дисциплинах не мешает отмечать схожесть выводов, что служит свидетельством «объективной составляющей» этих исследований, обусловленной сущностными закономерностями функционирования политической метафоры. Вместе с тем каждая из методологических граней политической метафорологии позволяет увидеть предмет анализа в несколько ином свете и приблизить исследователей к решению вопросов о сложном взаимодействии сознания, языка и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Р. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Бляхер Л.Е., Говорухин Г.Э. Революция как «блуждающая» метафора: семантика и прагматика революционного карнавала // Полис. 2006. № 5.
- Будаев Э.В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры // *Respectus Philologicus*. 2006. № 9(14).
- Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... к.ф.н. – Екатеринбург, 2002.
- Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
- Демьянков В.З. Политический дискурс как объект политологической филологии // Политическая наука / Отв. ред. и сост. В.И. Герасимов, М.В. Ильин. М., 2002. № 3.
- Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Куньшиков С.В. Идеология в структуре политического процесса: сущность и динамика функционирования: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2006.
- Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты – Новосибирск, 2003.
- Межуев Б.В. “Оранжевая революция”: восстановление контекста // Полис. 2006. № 5.
- Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М., 2006.
- Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука / Отв. ред. и сост. В.И. Герасимов, М.В. Ильин. М., 2002. № 3.
- Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001.
- Паутова Л.А. Стабилизационное сознание: опыт социологического исследования: Дисс. ... докт. социологических наук. Санкт-Петербург, 2007.
- Потапчук Е.Ю. Пятый элемент (Трансформация метафоры в современном российском политическом дискурсе) // Полис. 2006. № 5.
- Романов А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход. Москва; Тверь, 2002.
- Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4.
- Ряпосова А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)»: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Сабурова Т.А. Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX в.: Дисс. ... докт. исторических наук. Омск, 2006.
- Телешева И.В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбальной метафоры в российских и американских СМИ // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. Т. 14.
- Халитов Б.Н. Языковые аспекты политического процесса: внутренние и международные измерения (на примере Каталонии): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Казань, 2006.
- Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006.
- Шехтман Н.Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: Дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
- Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 7.
- Abadi A., Sacerdoti Y. Source domains of metaphors in political discourse. A cross-cultural study: Israel and the U.S.A. // RASK. 2001. Oct., 15.
- Anderson R. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // Slavic Review. 2001. Summer.
- Augoustinos M., Penny S.L. Reconciliation: The Genesis of a New Social Representation // Papers on Social Representations. 2001. Vol. 10.
- Baker P., McEnery T. A corpus-based approach to discourses of refugees and asylum seekers in UN and newspaper texts // Journal of Language and Politics. 2005. Vol. 4. № 2.
- Baranov A., Zinken J. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // Metapher, Bild und Figur: Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten / ed. by B. Symanzik et al. Hamburg, 2003.
- Belgian Journal of Linguistics / ed. by M. Dominicy, J. Blommaert, C. Bulcaen. 1997. Vol. 11. Political Linguistics.
- Benoit W.L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // Communication Studies. 2001. Vol. 52.
- Berhó D.L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 2000. Vol. 54. № 2.
- Bosman J., Hagendoorn L. Effects of literal and metaphorical persuasive messages // Metaphor and Symbolic Activity. 1991. Vol. 6 (4).
- Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation / J. Klein, H. Diekmannshenke (Hrsg.). Berlin, 1996.
- Canêdo L.B. As metáforas da família na transmissão do poder político: questões de método // Cadernos Cedec. 1997. Vol. 18. № 42.
- Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Basingstoke, 2004a.
- Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke, 2004b.
- Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London, 2004.
- Chilton P. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity / Ed. by R. Wodak, P. Chilton. Amsterdam, 2005.
- Chouliarakis L., Fairclough N. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh, 1999.
- Dalmu M.S. The Iron Lady versus La Dama de Ferro: Western male-centred metaphors about Europe in the British and the Catalan public discourse // <http://www.dur.ac.uk/modern.languages/depts/german/Musolff/eur/ofamily.pdf>. 2005
- De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4.
- Drulák P. Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12(4).
- Drulák P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.
- El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics. 2001. Vol. 5. № 3.
- Ezrahi Y. The theatrics and mechanics of action: the theater and the machine as political metaphors // Social Research. 1995. Vol. 62. № 2.
- Fairclough N.L. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis // Journal of Pragmatics. 1985. Vol. 9.
- Gidengil E., Everitt J. Tough Talk: How Television News Covers Male and Female Leaders of Canadian Political Parties // Women and Electoral Politics in Canada / Ed. M. Tremblay, L. Trimble. Toronto, 2003.
- Gidengil E., Everitt J. Metaphors and Misrepresentation: Gendered Mediation in News Coverage of the 1993 Canadian Leaders' Debates // Harvard International Journal of Press/Politics. 1999. Vol. 4. № 1.
- Hansen A.D. Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses. Paper to be presented at ECPR conference 2005, Granada. Draft version // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf – 2005.
- Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics. Washington, 2003.
- Heradstveit D., Bonham G. M. The "Axis of Evil" Metaphor and the Restructuring of Iranian Views Toward the US // Vaseteh. Journal of the European Society for Iranian Studies. 2005. Vol. 1(1).
- Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklich-

keitskonstituierenden Rolle von Metaphern // Zeitschrift für internationale Beziehungen. 2003. Vol. 10. № 2.

Johnson E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis // Bilingual Research Journal. 2005. Vol. 29. № 1.

Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. New York, 1988.

Klein J. Politische Kommunikation – Sprachwissenschaftliche Perspektiven // Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch / O. Jarren, U. Sarcinelli, U. Saxer (Hrsg.). Opladen, 1998.

Laclau E. Why do empty signifiers matter to politics? // The lesser evil and the greater good: The theory and politics of social diversity / Ed. J. Weeks. London, 1994.

Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction, 2004.

Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm – 1991.

Lakoff G. Thinking Points: Communicating Our American Values and Vision. New York, 2006a

Lakoff G. Whose Freedom?: The Battle Over America's Most Important Idea. New York, 2006b.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, 1980.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York, 1999.

Lewis B. The Political Language of Islam. Chicago, 1988.

Mottier V. Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Mottier.pdf – 2005.

Musolf A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke, 2004.

Musolf A. Metaphor Scenarios in Public Discourse // Metaphor and Symbol. 2006. Vol. 21. № 1.

Musolf A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. München, 2000.

Nasalski I. Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politischen Sprache am Beispiel Ägyptens. Wiesbaden, 2004.

Oberlechner T., Mayer-Schönberger V. Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors // http://www.ksg.harvard.edu/leadership/Pdf/OberlechnerMayer_SchonbergerWorkingPaper.pdf – 2002.

O'Brien G.V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States // Metaphor and Symbol. 2003. Vol. 18. № 1.

Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung / J. Klein (Hg.). Opladen, 1989.

Rayner J. Between Meaning and Event: An Historical Approach to Political Metaphors // Political Studies. 1984. Vol. 32.

Ryazanova-Clarke L. Criminal Rhetoric in Russian Political Discourse // Language Design. 2004. Vol. 6.

Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. Berlin, 2003.

Santa Ana O. 'Like an animal I was treated': anti-immigrant metaphor in US public discourse // Discourse and Society. 1999. Vol. 10. № 2.

Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. Austin, 2002.

Sarcinelli U. Symbolische Politik und Politische Kultur. Das Kommunikationsritual als politische Wirklichkeit // PVS. 1989. № 30.

Smith M. B. The Metaphor (and Fact) of War // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2002. Vol. 8(3).

Terchek R.J. Political Metaphors: Markets or Oligopolies? // Associations. 1999. Vol. 3(2).

van Dijk T.A. Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society. 1993. Vol. 4(2).

Vertessen D., De Landtsheer Ch.. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.

Wei J.M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse. Lanham, 2001.

Yule G. Pragmatics. Oxford, 2000.

Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. Bielefeld, 2002.

Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2004. Vol. 25. № 5/6.

Zybatow L. Antrag auf Gewährung einer Sachbeihilfe für das Projekt "Interkulturelle Analyse der Struktur kollektiver Vorstellungswelten (anhand von metaphorischen Modellen in der russischen und deutschen Presse)". Bielefeld, 1998.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2007

Лайонел Ви

Сингапур, Сингапур

Перевод: Зырянова И.П.

ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА К ГЛОБАЛЬНОМУ ГОРОДУ: «ПОНИЖЕНИЕ» КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Abstract

This paper focuses on the discourses produced by the state of Singapore as it attempts to re-invent Singapore as a global city. This focus is especially intriguing because it bears on a prominent theme in globalization studies: the extent to which the state is still relevant as a cultural frame for the construction of identities, the management of economies, and the protection of individual rights. Singapore appears to be seeking this global city status, even though in the early years after its independence in 1965, it was primarily concerned with establishing itself as a nation state. The paper demonstrates how the shift towards a global city is marked by discursive differences in modulation, as the state attempts to acknowledge the increasing interconnectedness between Singapore, Singaporeans and the rest of the world. The changes in modulation are consequently not to be treated as incidental discursive features of the shift. Rather, they are markers of how the state is attempting to address the problems of global mobility and deterritorialization by reasserting the status of Singapore as a place (still) worth living in.

В данной статье я уделяю особое внимание дискурсу, наблюдаемому в Сингапуре в попытке его превращения в глобальный город. Рассматриваемый дискурс весьма интересен, т.к. он имеет прямое отношение к изучению процесса глобализации: определению рамок, в которых государство является культурным фреймом для создания национальной общности; управлению экономикой, защите индивидуальных прав человека. Неоднократно утверждалось, что экономическая сила всемирных корпораций существенно подрывается действиями государства, особенно когда речь идет о привлечении иностранных вложений. Более того, высказывались предположения о том, что транснациональные движения космополитов ослабили их чувство национальной принадлежности, т.к. у них есть не только возможность, но и желание преследовать свои личные цели, что прежде всего подразумевает улучшение качества жизни.

Следует также отметить, что понятия государство и национальное государство иногда не